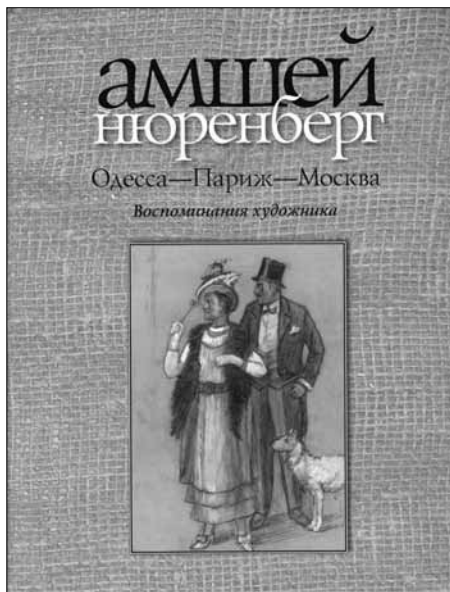

С кем протекли его боренья?

Амшей НЮРЕНБЕРГ
Одесса — Париж — Москва
Воспоминания художника.
Подготовка текста
О. Тангян-Трифоновой
Мосты культуры — Gesharim.
Москва — Иерусалим.

Это Борис Пастернак в стихотворении "Художник" задает вопрос и тут же на него отвечает:

*С кем протекли его боренья?
С самим собой, с самим собой.*

Кажется, эти две поэтические строки можно вспомнить и применить к каждому настоящему мастеру — в литературе, на сцене, в живописи и скульп-

туре. И все же есть судьбы художников в двадцатом столетии, чьи боренья протекли не только с самим собой, но и с эпохой, со временем, которое они не выбирали, но пришлось жить...

Одним из таких художников был Амшей Маркович Нюренберг.

Книга "Амшей Нюренберг. Одесса — Париж — Москва. Воспоминания художника" была собрана Ольгой Тангян-Трифоновой, внучкой художника и дочерью писателя Юрия Трифонова.

Казалось, что в недобрые времена художник был почти забыт, во всяком случае, официальным искусствоведением, извлекавшим его имя только в необходимости упомянуть Нюренберга в связи с "Окнами РОСТА" и другими идеологически дозволенными страницами в истории отечественного искусства.

Хоть и в ту пору был круг людей, знавший и ценивший художника. В наше время этот круг стал гораздо шире — появились альбомы, статьи, выставки и даже аукционы...

Но об этом дальше.

Книга об Амшее Нюренберге, точнее, книга самого Амшея Нюренберга, подготовленная Ольгой Тангян, состоит из его воспоминаний — искренних, веселых и печальных, порою драматических. Это книга рассказов о семье, об отце, о детстве в тихом Елисаветграде, которое рано закончилось. Книга об учителях и друзьях — в Одессе, в Париже и в Москве — рассказов, порою напоминающих уверенный графический набросок, порою — пластичный живописный портрет, и все же наряду с этими достоинствами автор воспоминаний блестяще владеет не только карандашом и кистью, но и словом, выразительным и образным. Забегая вперед, скажу, что не случайно в юности, живя в Париже, он печатал в русской газете "Парижский вестник" статьи о художниках (под выразительным псевдонимом — А. Курганный). Это была первая проба пера, которым он владел и артистично, и мудро. Книга, о которой здесь идет речь, — тому свидетельство.

Страница за страницей перед нами проходит жизнь человека, художника, блестяще начинавшаяся в Одессе, где наставником в художественном училище был Кириак Костанди.

Из Одессы — напрямик в Париж, без связей, без денег. Только друзья-художники, оказавшиеся в Париже раньше, чем Амшей Нюренберг, стали во многом его поддержкой, его опорой.

Парижские страницы воспоминаний — это восхищение французской культурой, это живой и увлеченный интерес к творчеству своих собратьев, это взаимопомощь перед не отступающим холодом и голодом. И главное — общение, дружба с "одесскими парижанами" — Фазини, Мещаниновым, Фраерманом, зародившаяся тогда дружба с Марком Шагалом, о них написано так живо, так искренне, причем без распространенной, к сожалению, манеры в стиле "Я и Шагал"...

Не нужно, наверное, объяснять, что значили для молодого художника посещение прославленных музеев Парижа — от Лувра до Люксембургского дворца, пыливый взгляд на великих мастеров от Веласкеса и Рембрандта до импрессионистов. И еще один парижский опыт пригодится Амшею Нюренбергу в дальнейшем — занятие карикатурой, начинавшееся как способ подработать. Но постепенно, знакомясь с произведениями Домье, Гаварни, он все глубже проникает в природу юмора, иронии, сатиры, выраженной в экспрессии графики. Потом ему это очень пригодится в работе над "Окнами РОСТА", на протяжении долгой жизни он будет оттачивать свой рисунок, создавая выразительные жанровые и пейзажные зарисовки, словно одним росчерком акварельной кисти или карандаша — портреты близких, друзей, автопортреты.

В жизни Амшея Нюренберга будет еще одна встреча с Парижем, в конце 20-х годов. Казалось, что еще раз у художника появляется возможность остаться в любимой Франции, в близкой ему среде. И во второй раз он не принимает этот подарок судьбы. Так с кем протекли его боренья? В этом случае, очевидно, — с самим собой, с самим собой!

Из Парижа он возвращается в Одессу.

Гражданская война.

И несмотря на все катаклизмы, жизнь в одесском искусстве продолжается — "Свободная мастерская", которой руководит Амшей Нюренберг, — "днем живопись, вечером рисунок. На рисунок (обнаженная модель) приходило много художников: Фраерман, Олесевич, Фазини, Гозиассон, Константиновский, Мидлер и Малик". Пройдет немного времени — и все разъедутся, кто в Париж, кто в Москву. Их них в Одессе до конца своих дней останется только Теофил Борисович Фраерман...

"Окаянные дни". Эта формула Ивана Бунина стала характеристикой всего того, что происходило в Одессе в годы революции и гражданской войны. Нюренберг и Бунин оказываются по разные стороны баррикад. Сегодня бессмысленно ставить вопрос: почему это произошло? Так было. И перед нами документ, фиксирующий ситуацию такой, какой она виделась с "красной" стороны.

Есть воспоминания, которые пишутся для себя, для близких и друзей, без намерений или надежды их издать, как еще недавно говорили — "в стол". Амшей Нюренберг писал с желанием увидеть свою книгу напечатанной. Писал в начале 60-х годов, во времена хрущевской "оттепели", когда кое о чем уже можно было говорить, но о многом следовало умолчать.

В 1963 году в Одессе состоялась персональная выставка картин А.М. Нюренберга. Тогда мы познакомились, тогда он рассказывал мне о работе над книгой. Увы, и в этом "советском" варианте текста книга долгое время лежала на полке в издательстве. Именно тогда была предпринята попытка издать книгу в Одессе. Но и это в 1967 году оказалось невозможным, хоть рукопись рекомендовал не только я, но и Б.Ф. Деревянко. Лишь в 1969 году "Советский художник" издал книгу, сократив ее в два раза... Так подробно пишу о судьбе рукописи, лишь сейчас подготовленной Ольгой Танган и замечательно сделанной издательством "Мосты культуры" (Москва — Иерусалим), так как убежден, если бы Амшей Маркович писал ее "в стол", книга была бы во многом другой.

Нынешний интерес к воспоминаниям художника совпал с находкой в Израиле коллекции Якова Перемена, собравшего картины первого

одесского авангарда и увезшего их в Палестину в начале 20-х годов. Выставка в Израиле, аукцион "Сотбис", возвращение 86 картин в Украину! Сенсация!

Но при внимательном чтении мы не найдем ни одного упоминания о меценате Якове Перемене. По сути, ничего не сказано о собственной живописи — с 1912-го по 1919-й год. А это был период "бури и натиска", попытка (и успешная!) создать свой узнаваемый стиль. Задолго до того, как появились репродукции картин из собрания Я. Перемена, я видел в одесском Музее западного и восточного искусства шесть панно А. Нюренберга. Потом они таинственно исчезли, лет десять тому назад в фондах обнаружили лишь одно из них, незарегистрированное, и подарили Одесскому художественному музею...

Ни слова о работах, которые привели автора в "Общество независимых", дали право возглавить "Свободные мастерские". Страх, рожденный в тридцатые годы, умноженный обвинением в космополитизме в сороковые, был сильнее желания представить читателю, "с кем протекли его боренья".

Но любую книгу нужно оценивать не из того, чего в ней нет, а из того, что в ней есть. А в этой книге "Одесса — Париж — Москва" так много блистательных удач, что она заслуживает самой высокой оценки.

Многие ученики К.К. Костанди оставили о нем свои воспоминания. И все же к самым проникновенным, как и воспоминания П. Нилуса, я бы отнес эссе А.М. Нюренберга. Пути учителя и ученика в творчестве разошлись, но благодарная память, вкус искусствоведа сотворили чудо. И Кириак Константинович предстал мощной фигурой во всем русском искусстве конца XIX — начала XX-века.

Возвращаясь к воспоминаниям А. Нюренберга об Одессе. Насколько своеобразен Исаак Бабель, выразителен Эдуард Багрицкий в этой книге! Да и о многих художниках мы многого бы не знали. К примеру, Александр Альтман (не путать с Натаном Альтманом!). На аукционах в последние годы начали появляться его картины. Но кто это? Прочтите главу о посещении мастерской Александра Альтмана, "старого парижанина", — и это в 1912 году. Именно этой книге мы обязаны "воскрешением" Оскара Мещанинова, Айзика Федера и многих, многих других...

Конечно же, не только Одесса и Париж, но и Москва разнообразно представлена в книге. С интересом читал я главы о П. Кончаловском, А. Осмеркине, по-"бубнововалетски" сочно и ярко прописанные, о ВХУТЕМАСе, где преподавал А.М. Нюренберг, где была издана его

книга "Сезанн", об Игоре Грабаре, замечательном художнике и реставраторе, талантливом искусствоведе...

Выход этого тома воспоминаний — заслуга внучки художника Ольги Танган. Она не ограничилась тем, что восстановила рукопись во всем ее объеме, она включила в текст фрагменты дневника художника, записей для себя, делающие воспоминания еще более объемными. Большая работа была проведена над справочным аппаратом, без которого эта книга была бы беднее. И еще одна мысль, представляющаяся мне важной. Составительница не пошла на то, чтобы в угоду нашему времени изымать какие-то главы. Да, сегодня мы видим многое не так, как пятьдесят лет тому назад. Но книга — документ эпохи. В этом ее особая ценность.

Дважды Амшей Нюренберг прощался с Парижем, несколько раз с Одессой, навсегда связал свою жизнь с Москвой. Искал свой путь в живописи.

В конце концов, написал об этом книгу. Старался писать не столько о себе, как о "парижской школе, о друзьях из "Улья", об одесском училище, о борьбе с примитивным пониманием искусства у АХРРовцев в Москве. А получилась книга о времени и о себе. Этим она интересна. И думаю, завоеует надолго интерес и признание читателей.

